O.V.K — X.T.R

РАССКАЗ

УСТРОЙСТВО ПОВЕСТВОВАНИЯ И РЕМЕСЛО РАССКАЗЧИКА

КАК ИСТОРИЯ ВЕДЁТ СЛУШАТЕЛЯ

O.V.K — X.T.R

РАССКАЗ

УСТРОЙСТВО ПОВЕСТВОВАНИЯ И РЕМЕСЛО РАССКАЗЧИКА

Книга о том, как события становятся историей,
как история ведёт слушателя и переписывает память,
кто рассказом торгует и воюет — и где рассказ есть правда, а где порядок

НАСТОЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

«Целое есть то, что имеет начало, середину и конец».

— Аристотель, «Поэтика»

Книга писана для того, кто рассказывает,
и для того, кто слушает.
Устройство изложено как устройство,
границы — как границы,
и ничто не выдаётся за закон природы.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ОСНОВАНИЯ

I. Что такое рассказ 2
II. Слово и его происхождение 3
III. Три основания 4
IV. Аристотель и древние 5
V. Пропп и Кэмпбелл 6
VI. Опыты нашего века 7
VII. Русская линия 8
VIII. Чем рассказ не является 9

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. УСТРОЙСТВО

IX. Три вида 11
X. Начало, середина, конец 12
XI. Герой и желание 13
XII. Препятствие и поворот 14
XIII. «Потом» и «потому» 15
XIV. Кто рассказывает 16
XV. Подробность 17
XVI. Мера рассказа 18

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. РЕМЕСЛО

XVII. Устный рассказ 20
XVIII. Рассказ в речи 21
XIX. Рассказ о деле 22
XX. Рассказ о себе 23
XXI. Рассказ в учении 24
XXII. Рассказ ребёнку 25
XXIII. Слушание рассказа 26
XXIV. Запись рассказа 27

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ. ПРОТИВНИК

XXV. Рассказ вместо случая 29
XXVI. Рассказ как оружие 30
XXVII. Ложный свидетель 31
XXVIII. Торговля рассказом 32
XXIX. Рассказ о себе как ловушка 33
XXX. Бесконечный рассказ 34
XXXI. Умолчание 35
XXXII. Рассказчик вместо дела 36

ЧАСТЬ ПЯТАЯ. ГРАНИЦА

XXXIII. Чего рассказ не может 38
XXXIV. Рассказ и правда 39
XXXV. Рассказ и дело 40
XXXVI. Упражнения 41
XXXVII. Гигиена рассказчика 42
XXXVIII. Правила рассказывающего 43
XXXIX. Правила слушающего 44
XL. Заключение: рассказ и мера 45

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ОСНОВАНИЯ

Что есть рассказ и откуда его имя, что знал Аристотель
и что нашли Пропп, Кэмпбелл и опыты,
и отчего рассказ помнится там, где довод забыт

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Что такое рассказ

Рассказом зовётся ряд событий, изложенный так, что одно следует из другого и слушатель ждёт, что будет дальше; и ожидание это есть то, чем рассказ ведёт.

Определение содержит три части, и на них стоит книга. *Ряд событий* — рассказ есть о том, что случилось или могло случиться; описание вещи не есть рассказ, довод не есть рассказ. *Одно следует из другого* — события связаны причиной, а не только временем; о различии «потом» и «потому» глава тринадцатая, и на нём стоит всё ремесло. *Слушатель ждёт* — рассказ ведёт ожиданием: что будет с героем; и ожидание это есть внимание, о котором книга о внимании: рассказ держит его, как ничто иное.

Книга эта стоит рядом с книгами о риторике, о сказке и о наблюдении: риторика знает рассказ как часть речи; сказка есть рассказ в чистейшем виде; наблюдение даёт рассказу события.

Различим наперёд три вещи, о которых глава девятая: **рассказ о бывшем** — свидетельство, отчёт, летопись; **рассказ о возможном** — вымысел, повесть; **рассказ о должном** — притча, миф, пример. Одно устройство; разное отношение к правде; и разное ремесло.

Оттого части книги таковы: вторая — устройство: виды, три части, герой, поворот, причина, рассказчик, подробность, мера; третья — ремесло: устный рассказ, речь, дело, о себе, учение, ребёнок, слушание, запись; четвёртая — противник: те, кто рассказом обманывает, воюет и торгует; пятая — граница рассказа и правды, правила.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Слово и его происхождение

Русское «рассказ» — от «казать», показывать: рассказать значит показать словами, разложив по порядку; и приставка «рас-» есть само это разложение.

Греческое mythos — слово, речь, потом — предание; у Аристотеля mythos есть сюжет трагедии, склад событий. Historia — расспрашивание, узнанное; от Геродота — рассказ о бывшем. Diegesis — изложение, в отличие от mimesis — показа. **Латинское** narratio — часть речи, где излагают дело; от него «нарратив», слово нынешнее для всякого рассказа. Fabula — басня, разговор; от него и «фабула», и «фабльо».

Различим слова. *Рассказ* — изложение событий по порядку. *Повесть* — от «ведать»: поведанное. *История* — рассказ о бывшем и наука о нём. *Сказ* — рассказ голосом рассказчика, о чём Лесков. *Сказка* — рассказ о заведомо небывшем. *Притча* — рассказ ради урока. *Миф* — рассказ, объясняющий мир. *Анекдот* — рассказ малый и смешной. *Фабула* — события в их порядке; *сюжет* — события в порядке рассказа; различие Шкловского, о чём глава седьмая.

«Нарратив» ныне значит всё — от романа до речи политика; и слово это полезно лишь тем, что напоминает: политик тоже рассказывает, о чём глава двадцать шестая.

Заметим, что в этой книге *рассказ* означает устройство, а не жанр: отчёт о поломке и былина устроены одинаково, и ремесло их одно.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Три основания

Всё дальнейшее стоит на трёх положениях, и они же отделяют ремесло от обмана рассказом.

Первое: рассказ есть порядок, наложенный на события. События случаются как попало; рассказчик выбирает, что взять, с чего начать и чем кончить; и порядок этот — от него, а не от событий. Оттого два правдивых рассказа об одном бывают противоположны, и оттого правда рассказа есть особый вопрос, о чём глава тридцать четвёртая.

Второе: рассказ ведёт ожиданием и помнится телом. Слушатель ждёт, что будет с героем, и внимание его удержано; и то, что пришло рассказом, помнится, где довод забыт, о чём книга об искусстве памяти: место, лицо, ход. Оттого рассказ есть сильнейшее орудие речи и учения — и обмана.

Третье: ум ищет рассказа везде, и там, где его нет. Два движущихся треугольника кажутся ссорой; случай кажется судьбой; ряд совпадений — заговором. Об этом глава шестая и книга о случае; и противник четвёртой части живёт этим: он даёт уму рассказ, которого ум просит.

Из трёх положений выводится ремесло третьей части: рассказчик выбирает порядок честно, ведёт ожиданием и знает, что слушатель дорисует; и защита пятой: слушающий спрашивает, что за порядком, и не принимает «потом» за «потому».

И заметим родство с книгой о наблюдении: наблюдатель записывает до того, как рассказ сложился; ибо сложившийся рассказ переписывает виденное.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Аристотель и древние

Древние знали устройство рассказа и описали его так, что с тех пор к описанию прибавили немного.

Гомер начал «Илиаду» с середины — с гнева, а не с яблока; и Гораций назвал это in medias res: в середину дела. Первое правило начала, о чём глава десятая.

Аристотель в «Поэтике» дал всё: целое имеет начало, середину и конец; сюжет есть склад событий, и он важнее характеров; события должны следовать по необходимости или вероятности, а не как попало; лучший поворот — перипетия, перемена к противоположному, и узнавание — переход от незнания к знанию; и рассказ должен быть обозрим, как животное, которое видно целиком. Все главы второй части суть развёртывание этих строк.

Риторика. Narratio — изложение дела в судебной речи — должно быть кратким, ясным и правдоподобным; Квинтилиан прибавил: правдоподобие важнее правды, ибо судья верит правдоподобному. Предостережение, о котором глава тридцать четвёртая.

Притча. Евангелие учит рассказами: сеятель, самарянин, блудный сын; и урок, пришедший рассказом, помнится две тысячи лет. О рассказе в учении — глава двадцать первая.

Чему это учит. Древние различили события и их склад, дали три части, поворот и узнавание, и предупредили, что правдоподобное сильнее правдивого; и всё позднейшее есть уточнение.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Пропп и Кэмпбелл

В двадцатом веке рассказ разобрали на части, как машину, и нашли, что частей немного и они одни у всех народов.

Пропп, 1928. Сто русских волшебных сказок разложены на функции — действия, важные для хода: отлучка, запрет, нарушение, беда, отправка, испытание, помощник, борьба, победа, возвращение, ложный герой, узнавание, свадьба. Функций тридцать одна, порядок их постоянен, и всякая сказка есть выбор из них. О сказке — отдельная книга.

Кэмпбелл, 1949. «Тысячеликий герой»: мифы всех народов рассказывают один путь — зов, отказ, наставник, порог, испытания, бездна, дар, возвращение. Путь героя стал чертежом кино, и оттого нынешние истории похожи друг на друга: их пишут по чертежу.

Что это значит. Ум ждёт известных частей в известном порядке; рассказчик, знающий части, ведёт ожидание, о чём глава одиннадцатая; и рассказ, в котором части нарушены, чувствуется как неправильный прежде, чем понят.

Оговорка. Чертёж описывает, а не предписывает: Чехов не по Кэмпбеллу; и рассказ, сделанный по чертежу, узнаётся как сделанный. Пропп сам предупреждал: функции — о волшебной сказке, не обо всём.

Урок: *частей немного, порядок их ждут, и знающий части ведёт; но чертёж есть чертёж, а не рассказ.*

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Опыты нашего века

Психологи проверили, что рассказ делает с памятью и с рассуждением; итоги надлежит знать, ибо они суть основание четвёртой части.

Бартлетт, 1932. Английским студентам читали индейскую сказку «Война призраков» и просили пересказать через дни и месяцы. Пересказы укорачивались, странное выпадало, непонятное заменялось понятным, и сказка становилась английской. Память не хранит рассказ — она пересказывает его себе, и всякий раз по-своему.

Хайдер и Зиммель, 1944. Фильм: два треугольника и круг движутся по экрану. Зрители видели ссору, погоню, спасение. Ум видит рассказ в движении фигур; о том, как он видит его в случае, — книга о случае.

***Лофтус*, 1970-е.** Вопрос «с какой скоростью машины врезались?» даёт большую скорость, чем «столкнулись»; и через неделю свидетели «помнят» разбитое стекло, которого не было. Рассказ, подсказанный вопросом, становится памятью; о том глава двадцать седьмая.

Грин и Брок, 2000. Читатель, «перенесённый» в рассказ, меняет мнение сильнее, чем от довода, и не замечает, что его убеждали. Рассказ убеждает в обход рассуждения.

Талеб назвал нарративной ошибкой склонность видеть причину там, где случай; о том глава двадцать пятая.

Урок общий: *рассказ переписывает память, убеждает в обход довода и видится там, где его нет*; и ремесло, и защита стоят на этом.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Русская линия

У нас рассказ жил голосом дольше, чем на Западе, и разобран был раньше; линию эту надлежит знать.

Сказители. Былины пелись до двадцатого века; Рыбников и Гильфердинг записывали их у олонецких крестьян; и запись показала, что сказитель не помнит текста — он помнит ход и общие места и складывает заново всякий раз. Пэрри и Лорд позже нашли то же у сербов и объяснили этим Гомера. Рассказ живёт в частях, а не в словах.

Летопись. «Повесть временных лет» — рассказ о бывшем по годам, где порядок дан временем, а причина — летописцем; о том, как летописец выбирает, — книга о герменевтике.

Шкловский, 1920-е: различие фабулы — событий по порядку — и сюжета — событий в порядке рассказа; и остранение: рассказ показывает знакомое как незнакомое, чтобы увидели. **Бахтин:** в рассказе много голосов, и рассказчик — один из них, о чём глава четырнадцатая. ***Лотман:*** событие есть пересечение границы, которую пересекать нельзя.

Чехов — рассказ без поворота, где событие есть то, что не случилось; и правило о ружье, о чём глава пятнадцатая. **Шаламов** — рассказ о бывшем, отказавшийся от порядка: «не проза, а документ».

Урок линии: рассказ живёт в частях и складывается заново; порядок его — от рассказчика; и есть бывшее, которому порядок противопоказан.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Чем рассказ не является

Отсечём лишнее, ибо словом этим ныне зовут всё.

Рассказ не есть события. Он есть их порядок; события были, порядок наложен.

Он не есть довод. Он убеждает в обход довода; и убеждённый рассказом не знает, чем убеждён.

Он не есть память. Память пересказывает; пересказанное не есть бывшее.

Он не есть описание. Описание стоит; рассказ идёт.

Он не есть правда и не есть ложь: он порядок, и правда его — вопрос отдельный.

Он не есть вымысел: отчёт о поломке есть рассказ.

И он не есть безобидность: о рассказе как оружии — глава двадцать шестая.

Что же он есть? *Порядок, наложенный на события так, что одно следует из другого и слушатель ждёт; ведущий ожиданием, помнимый телом, ищемый умом везде*. Об устройстве — вторая часть.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

УСТРОЙСТВО

Три вида рассказа, начало, середина и конец, герой и желание,
препятствие и поворот, «потом» и «потому»,
кто рассказывает, подробность, мера

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Три вида

Рассказ бывает трёх видов по отношению к правде; устройство их одно, и различие в том, что рассказчик обещает слушателю.

о бывшем	о возможном	о должном
свидетельство	вымысел	притча

О бывшем. Свидетельство, отчёт, летопись, рассказ о себе. Обещание: так было. Мера — события; порядок должен служить им, а не они порядку. Опасность — глава двадцать седьмая: память пересказывает, и рассказчик о бывшем есть первый, кого рассказ обманывает.

О возможном. Повесть, роман, кино. Обещание: так могло быть. Мера — правдоподобие и цельность; Аристотель предпочитал возможное невероятное невозможному вероятному. Опасность — принять за бывшее.

О должном. Притча, миф, пример, басня. Обещание: так надлежит. Мера — урок; события служат ему и могут быть любыми. Опасность — глава двадцать шестая: должное, выданное за бывшее, есть пропаганда.

Смешение видов есть главный обман рассказом: вымысел, выданный за свидетельство; притча, выданная за историю; свидетельство, сложенное как повесть.

Правило: *прежде рассказа назови вид — себе и слушателю; и не меняй вида посреди*.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Начало, середина, конец

Аристотелево целое имеет три части, и у каждой своё дело: начало обещает, середина держит, конец платит.

Начало. Даёт слушателю героя, место и нехватку — то, чего герой хочет и не имеет; и обещает: узнаешь, получил ли. Начинать с середины дела, по Гомеру: не с рождения героя, а с утра, когда всё изменилось. Первая фраза есть обещание; о первой фразе речи — книга о риторике.

Середина. Герой идёт к желаемому, и препятствия растут; всякая сцена меняет положение — ближе или дальше; сцена, ничего не меняющая, есть лишняя. Середина держится вопросом «что дальше», и вопрос этот надлежит обновлять: ответил на один — поставь другой.

Конец. Платит по обещанию: получил или нет, и что это значило. Конец должен следовать из середины — не бог из машины; и он должен быть один: рассказ с двумя концами не кончен. После конца — ничего: объяснение после конца есть недоверие к слушателю.

Соразмерность. Начало — десятая часть; конец — десятая; середина — остальное. Долгое начало утомляет прежде обещания; долгий конец есть несколько концов.

Обозримость по Аристотелю: рассказ должен быть виден целиком; и мера его — память слушателя, о чём глава шестнадцатая.

Правило: *начни с середины дела, обещай; держи вопросом и обновляй его; заплати одним концом и замолчи.*

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Герой и желание

Рассказ держится на том, кто чего-то хочет; без желания нет хода, без героя — некому желать; и слушатель идёт за героем, а не за событиями.

Герой есть тот, чьими глазами слушатель видит и за кого ждёт. Не обязательно хороший; обязательно — хотящий. Один: рассказ о многих есть много рассказов.

Желание должно быть названо рано и быть простым: вернуться домой, найти, спасти, узнать, доказать. Сложное желание слушатель не удерживает; простое держит весь рассказ. О том, что цель делает внимание, — книга о воле.

Нехватка. Пропп начинал с беды или недостачи; желание рождается из нехватки, и рассказ, в котором у героя всё есть, не начнётся.

Цена. Слушатель ждёт сильнее, когда знает, что герой потеряет, не получив; и рассказ без цены есть прогулка.

Перемена. Герой в конце не тот, что в начале: узнал, потерял, стал; Аристотелево узнавание. Рассказ, в котором герой не переменился, кончается, но не завершается.

Сочувствие. Слушатель идёт за тем, кому сочувствует; сочувствие рождается из нехватки, из усилия и из подробности, о чём глава пятнадцатая. Рассказ о деле, о чём глава девятнадцатая, тоже имеет героя: того, кто делал.

Правило: *один герой, простое желание, названное рано; нехватка в начале, цена в середине, перемена в конце.*

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Препятствие и поворот

Рассказ идёт от препятствия к препятствию, и поворот — перемена к противоположному — есть его сердце; без препятствия нет ожидания, без поворота — нет рассказа.

Препятствие. Между героем и желаемым — враг, обстоятельство, собственная слабость; и препятствия растут: последнее больше первого. Три препятствия — мера сказки, о чём книга о сказке и о тройке в книге о смехе.

Поворот. Аристотелева перипетия: то, что вело к спасению, ведёт к гибели; помощник оказался врагом; победа оказалась поражением. Поворот должен быть неожидан и, задним числом, неизбежен: слушатель не предвидел и, узнав, видит, что иначе не могло быть. Это то же устройство, что подмена в шутке.

Узнавание. Переход от незнания к знанию: Эдип узнаёт, кто он. *Л*учший поворот есть узнавание, ибо он меняет не положение, а понимание всего рассказа.

Бог из машины — препятствие, снятое извне: случайный спаситель, найденный клад, проснулся. Аристотель осуждал; слушатель чувствует обман: ожидание не оплачено.

Ложный герой у Проппа: тот, кто присвоил победу; и узнавание настоящего есть поворот.

В рассказе о бывшем поворот не строят, а находят: что переменило дело; и если не было — не выдумывают, о чём глава тридцать первая.

Правило: *препятствия растут; поворот неожидан и неизбежен; не снимай препятствия извне; и в бывшем ищи поворот, не выдумывай.*

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

«Потом» и «потому»

Форстер дал пример: «король умер, потом умерла королева» есть ряд; «король умер, и королева умерла от горя» есть рассказ; и всё различие рассказа и хроники — в «потому».

Устройство. Событие следует из события: причина, а не время. Слушатель ждёт «что дальше» лишь тогда, когда знает, что дальше следует из этого. Ряд событий без причины — летопись; и её не слушают, а справляются.

Аристотель: по необходимости или вероятности. Необходимость — иначе не могло быть; вероятность — так бывает. Всё, что «просто случилось», надлежит вывести за рассказ или сделать причиной.

Опасность. Ум ищет «потому» везде, о чём глава шестая; и рассказчик о бывшем ставит «потому» там, где было «потом», — и это обман, которого он сам не заметил. Талеб: после события причина очевидна; до — невидима. О том глава двадцать пятая и книга о случае.

Проверка «потому»: могло ли второе случиться без первого? Случалось ли первое без второго? Если да и да — это «потом». О причине и совпадении — книга о мере.

В вымысле «потому» строят и обязаны: слушатель платит вниманием за обещание причины. **В свидетельстве** «потому» ставят лишь там, где проверено; и честный рассказ о бывшем говорит «потом», когда не знает.

Правило: *в вымысле строй «потому»; в бывшем проверяй его; и «потом», названное «потому», есть ошибка, а не рассказ.*

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Кто рассказывает

Всякий рассказ кто-то рассказывает, и от того, кто и откуда, зависит, что видно и чему верить; и первый вопрос слушающего — кто говорит.

Точка зрения. Изнутри — «я»: видно то, что видел рассказчик, и ничего сверх; и он может ошибаться и лгать. Извне — «он»: видно больше, и слушатель верит, что видно всё. Всеведущий рассказчик есть условность; в бывшем его нет.

Рассказчик и автор. Бахтин: рассказчик есть голос среди голосов; тот, кто говорит «я», не есть тот, кто написал; и в свидетельстве «я» есть человек с интересом, о чём книга о вопросе в главе о допросе.

Ненадёжный рассказчик. Тот, чьему рассказу нельзя верить: не знает, ошибается, лжёт, оправдывается. В повести это приём; в жизни — всякий, кто рассказывает о себе, о чём глава двадцатая.

Сказ — рассказ голосом того, кто рассказывает: Лесков, Зощенко; и голос говорит о рассказчике больше, чем рассказ.

Расстояние. Рассказчик близко — видно чувство, не видно целого; далеко — видно целое, не видно чувства. Летописец далеко; свидетель близко; и оба правдивы о своём.

Для рассказчика: выбрать место и не менять его посреди; «я» видит только своё. **Для слушающего:** спросить, откуда видел и чего хочет; о том глава двадцать третья.

Правило: *рассказ есть чей-то; выбери, откуда рассказываешь, и спроси, откуда рассказано.*

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Подробность

Рассказ становится правдоподобным подробностью: не «было холодно», а «замёрзли чернила»; и подробность есть то, чем рассказ помнится и чем он обманывает.

Устройство. Общее не видно; частное видно и помнится, о чём книга об искусстве памяти: образ, место, вещь. Одна точная подробность делает сцену; десять — засыпают её. Чехов: «на плотине блестит горлышко разбитой бутылки — и лунная ночь готова».

Выбор. Подробность должна работать: показывать героя, место, перемену. Ружьё Чехова: висящее в первом действии должно выстрелить в третьем; подробность, не выстрелившая, есть обещание, не оплаченное.

Правдоподобие. Квинтилиан прав: подробность убеждает сильнее довода; свидетель с подробностями кажется правдивым — и лжец это знает; о том глава двадцать седьмая. Лофтус: ложное воспоминание обрастает подробностями так же, как истинное.

Чувство. Подробность даёт чувство без его названия: не «ей было страшно», а «она пересчитала ступени». Названное чувство слушатель принимает к сведению; показанное — испытывает.

Мера: одна на сцену; работающая; и в бывшем — та, что была, а не та, что нужна.

Правило: *одна точная подробность вместо десяти общих слов; пусть она работает; и в бывшем не прибавляй её ради правдоподобия*.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Мера рассказа

Рассказ имеет меру по длине, по темпу и по умолчанию; и рассказчик без меры теряет слушателя раньше конца.

Длина. Аристотель: обозримое целиком. Устный рассказ — минуты: анекдот — одна, случай — три, история за столом — пять. Дольше — слушатель теряет начало и не ждёт конца. Рассказ в речи — минута, о чём глава восемнадцатая.

Темп. Медленно там, где перемена: сцена поворота — подробно; быстро там, где ход: «прошло три года» — в трёх словах. Равномерный темп усыпляет; о темпе речи — книга о голосе.

Умолчание. Не всё сказать: слушатель дорисует, и дорисованное сильнее сказанного. Хемингуэй: айсберг — видна восьмая часть. Умолчать о том, что слушатель знает; о том, что не работает; о чувстве, показанном подробностью. Не умолчать о том, без чего конец не следует.

Отступление. Рассказ в рассказе, пояснение, шутка — в меру одного на рассказ; и вернуться туда, откуда ушёл, той же фразой.

Повтор. Сказка повторяет трижды; рассказ повторяет однажды — в конце, то, что было в начале, чтобы слушатель увидел перемену.

Мера бывшего. Рассказ о бывшем короче вымысла: где не знаешь — молчи, а не заполняй.

Правило: *обозримо; медленно на повороте, быстро на ходу; умолчи о знакомом и о чувстве; одно отступление; и в бывшем — молчи, где не знаешь.*

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

РЕМЕСЛО

Устный рассказ, рассказ в речи и рассказ о деле,
рассказ о себе, в учении и ребёнку,
слушание рассказа и его запись

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Устный рассказ

Рассказ за столом, у костра, в дороге есть древнейшее ремесло, и устройство его известно от сказителей: не слова, а ход; не текст, а части.

Ход, а не текст. Сказитель помнит части и складывает заново; оттого рассказ живой, и оттого он меняется. Держать в голове: героя, нехватку, три препятствия, поворот, конец; слова придут.

Первая фраза — в середину дела и с обещанием: «в тот день я опоздал на поезд, и это спасло мне жизнь». Не «расскажу вам случай».

Голос и тело. Медленно на повороте, пауза перед ним; голос героя отличен от голоса рассказчика; о паузе — книга о голосе, о жесте, показывающем размер и направление, — книга о жесте. Смотреть на слушателей, а не в стол.

Слушатели. Рассказ за столом есть речь к людям, о чём книга о риторике: следить, слушают ли; укорачивать, если нет; не соперничать с тем, кто рассказал прежде.

Конец — одна фраза, и замолчать; не «вот так вот»; не объяснять, что это значило. Последнее слово — сильное.

Повтор. Рассказ, рассказанный десять раз, отшлифован; и в нём же — опасность: он ушёл от бывшего, о чём глава двадцать седьмая. Помнить, что шлифуется.

Правило: *помни ход, начни с середины, замедли поворот, кончи одной фразой; и знай, что десятый пересказ — уже не первый.*

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Рассказ в речи

Речь перед людьми держится на рассказе: пример, случай, притча; и Цицерон знал, что судья, увидевший сцену, забудет довод противника.

Место. В начале — чтобы расположить и поставить вопрос; в середине — как пример к доводу; в конце — как образ, с которым уйдут. Не вместо довода: рассказ убеждает в обход, о чём глава шестой, и это его сила и его нечестность, если довода нет.

Мера — минута. Рассказ в речи есть сцена, а не повесть: герой, нехватка, поворот, конец — в десяти фразах.

Один случай и число. Один рассказ убеждает сильнее тысячи цифр — и оттого он лжёт, если случай не таков, как тысяча; о счёте против случая — книга о случае. Честная речь даёт случай и число: «вот один; и таких — каждый третий».

Притча — рассказ о должном; в речи она законна, если названа притчей; выданная за бывшее — обман.

Свой случай. Рассказ о себе в речи располагает и рискует: о нём глава двадцатая; коротко, о промахе, к делу.

Возврат. После рассказа — фраза, соединяющая его с доводом: «оттого я говорю»; рассказ без возврата есть отступление.

Правило: *минута, сцена, к доводу и с возвратом; случай вместе с числом; притчу назови притчей.*

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Рассказ о деле

Отчёт, разбор, случай из практики суть рассказы о бывшем; и ремесло их — порядок, служащий событиям, а не событиям, служащим порядку.

Строение. Что было — положение и нехватка. Что сделали — ход, с препятствиями и поворотом, если был. Что вышло — конец с числом. Что это значит — урок, отделённый от событий. Четыре части, и четвёртая — отдельно, ибо она есть толкование, а не бывшее.

Герой — тот, кто делал; и рассказ о деле без него — безличный отчёт, который не слушают. «Мы решили» — кто именно.

Подробность — число и имя, о чём глава пятнадцатая; «примерно» и «многие» — долой.

«Потому» — проверенное: сделали это — и вышло то; могло ли выйти без? О причине — книга о мере; и честный отчёт говорит «мы не знаем, отчего», когда не знает.

Неудача. Рассказ о неудаче есть лучший рассказ о деле, ибо в нём поворот настоящий; и его не рассказывают из страха, о чём книга о страхе. Разбор без вины: что было, что сделали, что вышло, что иначе.

Умолчание в отчёте — глава тридцать первая: правдивый отчёт из отобранных фактов есть ложь порядком.

Правило: *было, сделали, вышло, значит — врозь; герой назван, число дано, «потому» проверено; неудачу рассказывай первой.*

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Рассказ о себе

Всякий человек носит рассказ о себе — кто он и как стал; рассказ этот говорят другим и себе, и оба раза он есть порядок, наложенный на бывшее.

Другим. На собеседовании, при знакомстве, в письме: коротко, с героем-собой, с нехваткой, поворотом и делом; о промахе, а не о победе — промах располагает, победа настораживает. Минута. И то же правило, что в речи: случай с числом.

Себе. Рассказ о себе определяет, что человек ждёт от себя дальше: «я тот, кто не доводит» есть рассказ, и он сбывается, о чём книга о внушении. Переписать рассказ о себе значит переменить ожидание; и это возможно, ибо порядок — от рассказчика, а события те же.

Ненадёжность. Рассказчик о себе есть ненадёжнейший из рассказчиков: оправдывает, забывает, шлифует; о том глава двадцать девятая.

Ремесло честного рассказа о себе: события — в тетрадь до того, как сложились, о чём книга о наблюдении; «потому» — проверять; поворот — искать, не выдумывать; и знать, что рассказ о себе есть рассказ, а не сам.

Слушая чужой рассказ о себе, спрашивать: чего хочет рассказчик от меня; и что в рассказе есть события, а что — порядок.

Правило: *другим — минуту, о промахе, к делу; себе — знай, что это рассказ, и переписывай, когда он ведёт не туда.*

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Рассказ в учении

Учащий рассказом учит крепче, ибо рассказ помнится телом; и притча, пример, случай суть орудия учителя, о которых книга об учении.

Пример — рассказ о бывшем, показывающий правило в деле: не «будь внимателен», а случай, где невнимание стоило. Один пример к правилу; правило после примера, а не до.

Притча — рассказ о должном: урок, в событиях скрытый, который ученик извлекает сам; и извлечённое своё помнится дольше данного. Не объяснять притчи: объяснённая — довод.

Случай — разбор бывшего с учеником: что было, что сделали, что вышло, что иначе; ученик решает прежде, чем узнаёт, как было. Так учат врачей и юристов; и так надлежит учить всякому ремеслу.

Память. Правило, вставленное в рассказ, помнится годами, о чём книга об искусстве памяти; и учитель, знающий это, укладывает в рассказ то, что ученик должен унести.

Опасность. Рассказ убеждает в обход довода; ученик, убеждённый примером, не знает, отчего верит; и учитель обязан дать после рассказа довод и число, о чём глава восемнадцатая. Пример есть иллюстрация, а не доказательство.

Правило: *пример прежде правила, притчу не объясняй, случай реши до разгадки; и после рассказа дай довод.*

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Рассказ ребёнку

Ребёнок учится рассказу прежде чтения; и рассказ ему есть первое учение о том, что одно следует из другого; о сказке — отдельная книга, здесь — ремесло.

Устройство. Герой — один и как он; нехватка простая; три препятствия; поворот; конец, где всё на месте. Пропп есть чертёж, и ребёнок его знает, не зная: нарушенный порядок он поправит.

Повтор. Ребёнок требует ту же сказку теми же словами; повтор есть учение частям; и менять слова — ошибка: он проверяет, что мир устойчив.

Страх. В сказке волк и Баба-яга; и ребёнок просит страшного, ибо рассказ даёт страх на расстоянии, о чём книга о страхе: образ, над которым можно смеяться и который кончается. Не убирать страшного; давать конец.

Своё. Рассказ о том, как ребёнок был мал; о том, как родитель был мал; рассказ о семье — первое учение о том, кто он, о чём глава двадцатая; и дети, знающие семейные рассказы, устойчивее.

Вопросы. «А почему» посреди рассказа — ответить коротко и вернуться; ребёнок проверяет «потому».

Его рассказ. Просить рассказать день: что было, потом, потом; и спросить «отчего» — учение «потому»; о вопросе — та книга.

Правило: *тот же порядок, те же слова, страх с концом, свой рассказ о семье; и проси рассказывать.*

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Слушание рассказа

Оператор слушает рассказы чаще, чем рассказывает: свидетеля, просителя, продавца, подчинённого; и ремесло слушания есть ремесло отделения событий от порядка.

Кто. Откуда видел; чего хочет от меня; о чём глава четырнадцатая. Всякий рассказчик имеет интерес, и не всякий — злой.

События. Что видел сам, что слышал, что заключил; три разных вещи, и рассказ их смешивает. Спросить о каждой: «вы видели или вам сказали?» О допросе — книга о вопросе.

«Потому». Всякое «потому» в рассказе — проверить: могло ли без? Рассказчик ставит причину там, где было «потом», и не лжёт — так помнит.

Порядок. С чего начал и чем кончил — выбор; спросить, что было до начала и после конца. Умолчание, о чём глава тридцать первая, живёт за краями рассказа.

Подробность. Правдоподобие не есть правда; подробный рассказ проверяют так же, как скудный; и слишком складный рассказ о бывшем есть признак шлифовки.

Чувство. Рассказ переносит, о чём глава шестая; заметить, что перенесён, и вернуться: что именно было? Слушать дважды: раз — как слушатель, раз — как наблюдатель, о чём та книга.

Правило: *кто и откуда; видел, слышал, заключил; всякое «потому» — проверить; спросить о краях; и не верить складности.*

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

Запись рассказа

Рассказ, записанный сразу, есть свидетельство; записанный через год — повесть; и ремесло записи есть ремесло срока.

Срок. Бартлетт показал, что память пересказывает с первого дня; оттого записывать в день события: дневник, протокол, письмо. Летописец писал по годам и оттого сохранил «потом» без «потому».

Дневник — запись событий до того, как сложился рассказ; о нём книга о наблюдении: что видел, отдельно от того, что думаю. Через год дневник спорит с памятью, и прав дневник.

Протокол — запись чужого рассказа: словами рассказчика, не своими; с вопросами, которые задавались, ибо вопрос меняет ответ, о чём Лофтус; и с пометой: видел, слышал, заключил.

Разбор дела — глава девятнадцатая: было, сделали, вышло, значит; записанный в неделю, а не в год.

Семейный рассказ — записать со слов старших, пока есть кто рассказывает; с оговоркой, что это рассказ, а не документ; и дети получат то, о чём глава двадцать вторая.

Перечитывание. Запись, перечитанная через год, показывает, как переписалась память; и это лучшее учение о четвёртой части.

Правило: *записывай в день; чужое — его словами и с вопросами; своё — события отдельно от мыслей; и перечитывай через год.*

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

ПРОТИВНИК

Рассказ вместо случая, рассказ как оружие, ложный свидетель,
торговля рассказом, рассказ о себе как ловушка,
бесконечный рассказ, умолчание, рассказчик вместо дела

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Рассказ вместо случая

Первый противник — в самом уме: он складывает рассказ там, где был случай; и складка эта, названная Талебом нарративной ошибкой, есть источник половины ложных «потому».

Устройство. Событие случилось; ум ищет причину, о чём глава шестой; находит ближайшую; и рассказ готов: «он преуспел, потому что рано вставал». Тысяча рано вставших не преуспела, и о них рассказа нет, ибо о них не рассказывают. О выживших и молчащих — книга о случае.

Задним числом. После события причина очевидна; до — никто не видел. Кризис «был неизбежен» — после кризиса. Рассказ о прошлом всегда складнее, чем было прошлое.

Где живёт. В жизнеописаниях удачливых; в разборах побед; в объяснениях рынка — «акции упали из-за»; в судьбе — «всё было не зря»; о том книга о гадании.

Признаки: одна причина на большое событие; причина известна после, не до; нет рассказа о тех, у кого та же причина и иной исход.

Защита. Спросить о молчащих: сколько с той же причиной не получили того же? Проверить «потому» вопросом главы тринадцатой. И допустить «случилось» как ответ: рассказ без причины честнее рассказа с ложной.

Правило: *складность рассказа о прошлом есть признак складки, а не причины; спроси о молчащих и допусти случай*.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Рассказ как оружие

Кто владеет рассказом о народе, тот владеет народом; и пропаганда есть рассказ о должном, выданный за бывшее, с тремя лицами: враг, жертва, спаситель.

Устройство. Три лица достаточны для рассказа, и ум принимает их без спроса: есть враг — причина беды; есть жертва — мы; есть спаситель — тот, кто рассказывает. Всё, что случается, укладывается в этот порядок, и укладывается само, ибо ум ищет рассказа.

Миф государства. Откуда мы, кто нас обидел, куда идём; рассказ, объясняющий всё, о чём книга о толпе и книга о власти. Он не ложен по событиям — он ложен порядком: выбор событий, «потому», умолчание.

Один случай. Пропаганда даёт лицо: одного ребёнка, одного злодея; лицо убеждает сильнее числа, о чём глава восемнадцатая.

Признаки: три лица; всё объяснено; рассказчик — спаситель; о молчащих ни слова; и всякое новое событие уже вписано.

Защита. Спросить, кто рассказывает и что получает. Найти событие, не укладывающееся в порядок. Спросить о числе за лицом. Различить вид: это о бывшем или о должном? И помнить: рассказ, объясняющий всё, не объясняет ничего, о чём книга о мере.

Правило: *три лица и всё объяснено — оружие; спроси, кто рассказывает, что не вписано и где число.*

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Ложный свидетель

Свидетель, лгущий сознательно, редок; свидетель, чья память пересказала, — всякий; и второй опаснее, ибо верит себе.

Устройство. Бартлетт: память пересказывает, укорачивая и объясняя. Лофтус: вопрос вставляет в память то, чего не было; и вставленное обрастает подробностями. Пересказ: десятый рассказ отшлифован и ушёл от первого; и рассказчик помнит десятый.

Где живёт. В суде — и опознание по памяти есть худшее из доказательств; в воспоминаниях — и мемуары спорят с дневниками; в семье — «ты всегда»; в отчёте через месяц.

Признаки: рассказ складен и подробен; подробности растут от пересказа к пересказу; «потому» там, где было «потом»; и рассказчик уверен.

Уверенность не есть признак правды: уверены и в ложном; опыты показали, что уверенность свидетеля растёт от повторения, а не от точности.

Защита. Запись в день, о чём глава двадцать четвёртая. Вопрос без подсказки: «что было?», а не «была ли машина красной?»; о вопросе — та книга. Первый рассказ ценнее десятого. Сверять с вещами: бумагой, следом, часами; о наблюдении — та книга.

Себе: своя память — тот же свидетель; и рассказ о своём прошлом проверяют дневником, а не уверенностью.

Правило: *память пересказывает; верь записи, а не уверенности; спрашивай без подсказки; и первый рассказ ценнее гладкого.*

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Торговля рассказом

Рассказом продают: товар обёрнут историей, продавец — своей судьбой, и покупатель платит за перенос, а не за вещь.

Устройство. Грин и Брок: перенесённый в рассказ убеждён и не знает, чем. Продавец рассказывает: основатель в гараже, бабушкин рецепт, путь от нищеты; товар становится концом рассказа, и купить значит дописать его. О честной торговле — книга о товаре.

Честное. Рассказ о вещи — кто сделал и как — есть сведение; и рассказ, за которым — вещь и цена, законен.

Нечестное. Рассказ вместо вещи: история есть, вещь — как у всех. Рассказ о должном, выданный за бывшее: «наши клиенты стали». Один случай без числа: «Мария похудела на двадцать» — о ней глава восемнадцатая. Личная история продавца, вызывающая сочувствие вместо расчёта.

Признаки: рассказ прежде вещи; чувство прежде числа; герой — покупатель, спаситель — товар; и «история бренда» длиннее описания.

Защита. Заметить перенос и вернуться: что за вещь, что стоит, что из ста. Отделить рассказ от вещи и купить вещь, если она нужна без рассказа. О счёте — книга о мере.

Для оператора, который продаёт: рассказ о вещи законен; рассказ вместо вещи — обман; и рассказ о себе к делу — минута, о промахе, с числом.

Правило: *заметь, что перенесён, и спроси о вещи; рассказ прежде вещи есть цена за рассказ.*

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Рассказ о себе как ловушка

Рассказ о себе, сложившийся раз, ведёт человека дальше, чем события; и есть три рассказа, из которых не выходят: жертва, герой, неудачник.

Жертва. «Мне всегда»: враг есть, спаситель ждётся, дело не делается; рассказ снимает ответ за события и отнимает руку. Всё, что случается, вписано; о треугольнике — глава двадцать шестая, обращённая внутрь.

Герой. «Я всегда сам»: помощи не просят, промаха не признают, и падение не вписано; о гордости — книга о воле.

Неудачник. «Я тот, кто не доводит»: рассказ сбывается, ибо ожидание ведёт руку, о чём книга о внушении; и всякое доведённое дело — «случайность».

Устройство ловушки. Рассказ отбирает события под себя: подтверждающие видны, прочие нет; о подтверждении — книга об ошибках рассуждения. Рассказ шлифуется пересказом. И рассказ определяет ожидание, а ожидание — поступок.

Признаки: «всегда» и «никогда»; одно и то же объяснение всему; и события, не вписанные, забыты.

Выход. Порядок — от рассказчика: те же события складываются иначе. Найти событие, не вписанное. Переписать рассказ на «иногда». Записывать события до того, как рассказ их взял, о чём книга о наблюдении. И помнить, что рассказ о себе есть рассказ, а не сам, о чём глава двадцатая.

Правило: *«всегда» есть рассказ, а не событие; найди невписанное и перепиши на «иногда».*

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

Бесконечный рассказ

Рассказ держит ожиданием, и продавец внимания сделал из этого машину: рассказ без конца, где всякий ответ ставит новый вопрос, а платы нет никогда.

Устройство. Аристотелево целое кончается; сериал, лента, новости — нет. Обрыв на повороте — клиффхэнгер — оставляет ожидание неоплаченным, и слушатель возвращается за платой; плата откладывается снова. О внимании, кормимом переменой, — книга о внимании.

Где живёт. Сериал; лента, где за одним рассказом другой; новости как повесть без конца — «следим за развитием»; и споры в сети, о чём книга о сети.

Чем вредно. Ожидание без платы истощает: внимание занято, а конца нет; время уходит, о чём книга о времени; и ум, привыкший к обрыву, не терпит целого — книга кажется медленной.

Признаки: «продолжение следует»; конец серии на повороте; ещё одно; и невозможность пересказать, что было, — ибо целого нет.

Защита. Требовать конца: рассказ, не кончающийся, не рассказ. Кончать самому: закрыть на конце серии, а не на обрыве. Мера часов. И читать целое — повесть, кончающуюся, — чтобы ум помнил, что такое плата.

Правило: *рассказ без конца есть машина внимания; закрывай на конце и требуй платы.*

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Умолчание

Ложь рассказом чаще всего есть не *ложь* событиями, а умолчание: правдивые события, отобранные так, что порядок *лжёт*; и она не наказуема и не заметна.

Устройство. Порядок — от рассказчика, о чём глава третья; он выбирает, с чего начать: начать с удара — и не сказать, что было до; чем кончить: кончить победой — и не сказать, что после; что взять: взять три случая из ста. Всё сказанное верно; целое *ложно*.

Виды. Обрезанное начало: причина за краем. Обрезанный конец: последствие за краем. Отбор: *лишь* вписанное. Масштаб: подробно о малом, коротко о большом. «Потому» без проверки, о чём глава тринадцатая.

Где живёт. В отчёте о *деле*; в жизнеописании; в новостях; в споре — «а он первый»; и в рассказе о себе.

Признаки: рассказ начинается с удара; кончается на победе; всё вписано; и на вопрос «а что до» — раздражение.

Защита. Спросить о краях: что до начала, что после конца. Спросить об отборе: сколько таких из всех. Спросить о масштабе: о чём коротко. И сверять с другим рассказчиком, стоящим в другом месте, о чём глава четырнадцатая.

Для оператора: умолчание в отчёте о деле есть *ложь*, хотя бы каждое слово было верно; о честном отчёте — глава девятнадцатая.

Правило: *правдивые события в лживом порядке суть ложь; спрашивай о краях, отборе и масштабе.*

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

Рассказчик вместо дела

Последний противник — тот, кто рассказывает вместо того, чтобы делать: о планах, о прошлом, о том, как будет; и рассказ ему заменяет дело, ибо даёт ту же плату.

Устройство. Рассказ о деле, которое сделаешь, даёт слушателю образ сделанного и рассказчику — одобрение; одобрение получено — нужда в деле снята. Опыты показали: объявивший цель делает меньше, чем промолчавший; о том книга о воле.

Виды. Рассказчик планов: всё будет. Рассказчик прошлого: всё было. Рассказчик о других: кто что сделал. И рассказчик о процессе: «мы работаем над» — рассказ без конца из главы тридцатой.

Признаки: рассказ о деле длиннее дела; одобрение вместо результата; и дело, о котором рассказано, не начато.

Средство себе. Не рассказывать о деле до половины; рассказывать о сделанном — было, сделали, вышло; и мерить рассказ делом: минута рассказа на час дела.

Средство ведущему. Спрашивать «что вышло», а не «что делаете»; о вопросе — та книга; и не платить одобрением за рассказ о будущем.

Мера. Рассказ о деле нужен — для учения, для отчёта, для решения; о том глава девятнадцатая; и мера его — после дела, а не вместо.

Правило: *рассказывай о сделанном, не о будущем; и мерь рассказ делом*.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

ГРАНИЦА

Чего рассказ не может, рассказ и правда,
рассказ и дело,
как упражняться и какими правилами держаться

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Чего рассказ не может

Соберём пределы, ибо о рассказе говорят как о ключе ко всему.

Он не доказывает. Один случай не есть число; рассказ иллюстрирует, довод доказывает.

Он не хранит бывшего. Он хранит порядок; бывшее хранит запись в день.

Он не заменяет дела. Рассказанное не сделано; о том глава тридцать вторая.

Он не объясняет. Он даёт «потому», которого просит ум; проверка — дело мысли, о чём книга о мере.

Он не безопасен. Три лица и всё объяснено — оружие; о том глава двадцать шестая.

Он не есть сам человек: рассказ о себе есть рассказ, и его переписывают.

И он не кончается сам: конец даёт рассказчик, и рассказчик без конца есть машина.

Кто знает эти пределы, тот рассказывает коротко и с числом, записывает в день, проверяет «потому», спрашивает о краях и кончает; и получает то, что рассказ даёт — внимание, память, урок, — не требуя того, чего он не может.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

Рассказ и правда

Книга обещала эту границу с первой главы; проведём её по тому, что в рассказе от событий и что от рассказчика.

События — от мира. Они были или не были; и это проверяется вещами, записью, другим свидетелем. Рассказ, лгущий событиями, есть ложь простая.

Порядок — от рассказчика. Начало, конец, отбор, «потому», масштаб, точка зрения; всё это выбор, и выбор может быть честен или нет при верных событиях. Рассказ, лгущий порядком, есть ложь тонкая, о которой глава тридцать первая.

Правдоподобие — от ремесла. Подробность, складность, уверенность; они делают рассказ убедительным и ничего не говорят о правде; Квинтилиан знал это и учил пользоваться.

Вид — от обещания. О бывшем, о возможном, о должном; правда рассказа есть верность обещанию: вымысел, названный вымыслом, правдив; свидетельство, сложенное как вымысел, лживо.

Честный рассказ о бывшем: события проверены; порядок служит им; «потому» — лишь проверенное, иначе «потом»; края названы; и там, где не знает, — молчит.

> События — от мира, порядок — от рассказчика,
> правдоподобие — от ремесла, вид — от обещания;
> и правда рассказа есть верность обещанию
> при проверенных событиях.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

Рассказ и дело

Рассказ служит делу или подменяет его; и мера рассказа в деле есть мера ремесла оператора.

Что рассказ даёт делу. Учение: пример, притча, случай, о чём глава двадцать первая. Отчёт: было, сделали, вышло — и другие узнают. Решение: разбор прошлого дела показывает, что иначе. Речь: сцена убеждает там, где довод не дошёл. Людей: общий рассказ о деле соединяет делающих, как смех в книге о смехе.

Что рассказ отнимает у дела. Время, если вместо. Правду, если порядок подменил события. Рассуждение, если перенос заменил довод. Будущее, если рассказ о себе ведёт не туда.

Мера ведущего. Спрашивать «что вышло»; рассказывать о сделанном; отчёт с числом и краями; неудачу первой; и рассказ о деле как об общем — с героем-делающим, а не с собой-спасителем.

Мера ведомого. Минута рассказа на час дела; о себе — о промахе; и запись в день, чтобы через год был документ, а не повесть.

Итог лестницы. Книга эта стоит рядом с книгами о риторике и о наблюдении и служит всем прочим: кто отличает события от порядка, тот слушает свидетеля, читает новости, помнит себя и учит других вернее; и оттого рассказ есть орудие оператора, которым он владеет, а не которое владеет им.

Правило: *рассказывай о сделанном, с числом и краями; слушай, отделяя порядок; и пиши в день.*

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Упражнения

Рассказу учатся ремеслом строения и слушания; и упражнения здесь суть ступени одного ремесла.

Разбор. Десять чужих рассказов на лист: герой, нехватка, препятствия, поворот, конец; где «потом» названо «потому».

Минута. Ежедневно один случай дня в минуту вслух: середина дела, поворот, одна фраза конца.

Отчёт. Одно дело недели: было, сделали, вышло, значит — врозь, с числом.

Края. При всяком чужом рассказе спросить: что до начала, что после конца.

Дневник. Месяц: события дня отдельно от мыслей о них; через год перечитать.

Молчащие. При всяком рассказе об удаче спросить: сколько с той же причиной не получили того же.

О себе. Написать рассказ о себе в минуту; найти в нём «всегда»; переписать на «иногда».

Ребёнку или младшему — одна сказка теми же словами неделю; и просить рассказать день.

Чтение. Аристотель «Поэтика»; Пропп «Морфология волшебной сказки»; Форстер «Аспекты романа»; Чехов, рассказы, с вопросом, где поворот; Талеб «Чёрный лебедь», о нарративной ошибке.

Правило упражнений то же, что всюду: ежедневно, помалу, с записью; и здесь оно есть само ремесло.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Гигиена рассказчика

Соберём ежедневные правила, малые каждое и достаточные вместе.

Назови вид — о бывшем, возможном или должном — и не меняй.

Начни с середины дела и обещай.

Один герой, простое желание, цена.

Поворот — неожидан и неизбежен; в бывшем — найден, не выдуман.

«Потому» — проверенное; иначе «потом».

Одна подробность на сцену, и в бывшем — та, что была.

Минута на случай, кончи одной фразой и молчи.

Случай — с числом.

О себе — о промахе.

О сделанном, не о будущем.

Записывай в день.

Слушая — спрашивай о краях, отборе, молчащих.

Правила эти просты, и это их достоинство: рассказ живёт в скучном ежедневном ремесле порядка, а блестящее в нём есть дар, которому правила дают берега.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Правила рассказывающего

Соберём правила для того часа, когда рассказываешь — за столом, в речи, в отчёте.

Спроси себя: о бывшем, о возможном или о должном.

Помни ход, не слова: герой, нехватка, препятствия, поворот, конец.

Первая фраза — в середину дела.

Медленно на повороте, быстро на ходу.

Умолчи о знакомом и о названном чувстве; не умолчи о причине.

Одно отступление, и вернись той же фразой.

Конец один; после него ничего.

В речи — верни к доводу.

В отчёте — число, края, неудача.

Не знаешь — скажи «не знаю», не заполняй.

И помни, что рассказчик выбирает порядок, и по порядку судят о нём; и всё, что ты сложил, сложено тобой, а не событиями.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Правила слушающего

И правила для того, кто слушает рассказ, — свидетеля, просителя, продавца, новости, себя.

Кто рассказывает, откуда видел, чего хочет.

Какой вид обещан — и не смешан ли.

Видел, слышал или заключил — о каждом событии.

Всякое «потому» — могло ли без?

Что до начала, что после конца.

Сколько таких из всех.

Где число за лицом.

Складность — признак шлифовки, не правды.

Заметь перенос и вернись к вещи.

Первый рассказ ценнее десятого; запись ценнее памяти.

И помни, что слушающий, отделивший события от порядка, узнал больше, чем рассказано; и всё, что тебя убедило в обход довода, требует довода после.

ГЛАВА СОРОКОВАЯ

Заключение: рассказ и мера

Сведём книгу к тому немногому, что стоит держать в памяти без справок.

Рассказ есть *порядок, наложенный на события так, что одно следует из другого и слушатель ждёт*. Порядок — от рассказчика; рассказ ведёт ожиданием и помнится телом; и ум ищет его везде, в том числе там, где его нет. Три вида — о бывшем, о возможном, о должном; и правда рассказа есть верность обещанному виду при проверенных событиях.

Аристотель дал три части, поворот и узнавание; Пропп и Кэмпбелл — чертёж частей; опыты показали, что рассказ переписывает память и убеждает в обход довода. Ремесло — устный рассказ, речь, дело, о себе, учение, ребёнок, слушание, запись — едино в правиле: середина дела, герой с желанием, растущие препятствия, проверенное «потому», одна подробность, один конец.

Противники — рассказ вместо случая, оружие, ложный свидетель, торговля, ловушка о себе, бесконечный рассказ, умолчание, рассказчик вместо дела — узнаются по одному: складность, всё вписано, число скрыто; и защищаются одним: кто рассказывает, что за краями, сколько из всех, могло ли без.

И последнее. *Целое есть то, что имеет начало, середину и конец*. Кто умеет сложить целое и разложить чужое на события и порядок, тот владеет рассказом, а не рассказ им. На этом стоит и рассказ, и мера.

РАССКАЗ

Устройство повествования и ремесло рассказчика

Изложение в сорока главах

O.V.K — X.T.R

Набрано и свёрстано
для настольного издания
формата 148 × 210 мм